

Я люблю тебя...

Сэтоши Мотидзуки

Сэтоши, как только покинул ресторан, почувствовал, что воспоминания рвутся наружу, и ему хотелось от них избавиться. Единственным местом, которое хоть как-то могло ему помочь заглушить боль и уничтожить страх, был бар, куда он и направился. Купив немного гиндзё, он сел за угловой столик, спиной ко всем, чтобы никого не видеть, и наполнил стопку. Но он не спешил её опустошать, хотя с одной стороны, хотел это сделать, считая, что алкоголь позволит ему забыться и забыть о том несчастном случае, виновником которого он стал. И это его пугало. Он действительно отделался очень легко, и ему действительно сильно повезло, что на его пути встретились такие понимающие люди как Моррис Фернандес и Сугимото-сан, управляющий рестораном. Но всё равно мысли о возможном аресте, уголовном деле или смертной казни посещали его голову, отчего она сильно болела. И он понимал, что в таком состоянии просто не сможет появиться перед девушкой.

Оставив нетронутый напиток, он покинул бар и направился гулять по городу. Он не знал, куда идёт, зачем идёт. Он остановился около национального театра, в котором несколько месяцев назад смотрел на игру той женщины, которая ради театра и своей деятельности ненавидела своего мужа. Он отпустил её, он не хочет ничего о ней слышать, но он не мог отпустить ту ситуацию из-за которой произошёл разлад с отцом и матерью. Отец на него сильно обиделся, мама говорила, что он уже простил его за те болезненные слова, который он в пылу ярости, смешанной с алкоголем, наговорил ему. Но он сомневался, что когда-то что-то будет так же, как было раньше. Потому что он снова запутался.

Он подошёл к Хатико и посмотрел на лавочку, на которой спал какой-то бродяга. Посмотрел на скульптуру собаки.

- Что мне делать? - тихо спросил он, но скульптура, ясное дело, не могла дать ответ. Он глубоко вздохнул и снова побрёл куда-то. Неважно, куда. Главное идти, не разбирая дороги. Не надеяться на то, что кто-то ему даст совет. Сеньор Фернандес говорил, что может выслушать, дать совет, но хотел ли молодой человек этого сам? Хотел ли рассказывать кому-то о своей слабости, которая в очередной раз заставила его почувствовать себя слабым и ничтожным?

Он снова не справился с задачей, он забыл о технике безопасности. Он не мог простить себя, и, как бы не гнал эти мысли, они возвращались обратно, составляя замкнутый круг, из которого не было выхода. Было страшно, что он так и не сможет найти своё место. Ему придётся вернуться к отцу, снова выслушивать много нелестных комментариев в свой адрес, а потом вернуться к работе. Работая с бумажками ты никого не убьёшь, не спровоцируешь аллергию...

Пошёл дождь, но молодой человек, уже четыре часа гуляющий по улицам города, не понимая, куда идёт и зачем, ничего не замечал. Его пару раз окатило водой из лужи у обочины, но он этого не заметил. Его рубашка и лёгкая ветровка промокли насквозь, стало очень холодно, но он не обращал внимания. Он был потерян, напуган. Он снова превратился в маленького испуганного мальчика, который

потерялся и не мог найти дорогу домой.

Но потом ноги его привели к дому, и он вздрогнул, поняв, что пришёл к дому, где жила Рита. Осмотрелся и увидел очередной цветочный магазин. Направился туда и, посмотрев на часы, хмыкнул. Половина одиннадцатого вечера. Продавец что-то проворчал, но продал ему небольшой букетик из розовых роз. Он расплатился и, взяв букет, направился домой. Долго думал, открыть самому или позвонить в звонок, но потом набрал электронный код и открыл дверь. Тихо вошёл в квартиру и закрыл дверь. Прислушался...

Маргарита Эрнандес

За прошедшее с момента ее появления в Японии время Маргарита успела неплохо обжиться в квартире, которую ей предоставил работодатель, и даже начала считать ее чуть ли не своим домом. И, наверное, дело здесь было не только в уюте, удобстве и еще каких-то вещах, ассоциирующихся со своим жилищем, но и в том, что жила она в нем не одна... Маленький трогательный японец, которого она нашла на скамейке у памятника Хатико, умудрился органично вписаться в общий хаос ее жизни и даже выйти для на первый план, оставив позади столь важную для нее ранее работу.

Сегодня Маргарита вернулась раньше обычного, поскольку ей предоставилась такая возможность, и собиралась что-нибудь приготовить к возвращению Сэтоши. Она пока не слишком разбиралась в японской кухне, но, по совету одной из коллег по работе, с которыми у нее вроде как начали налаживаться отношения, решила попробовать приготовить омурайсу- рисовый омлет. В принципе, ничего сложного в его приготовлении не было, и на картинках это блюдо выглядело более чем симпатично, с учетом дополнительных милых рисунков и надписей, сделанных на нем кетчупом, так что рыжая решила рискнуть.

Но то, что хорошо выглядело на картинке, превратилось во что-то совершенно невообразимое в ее варианте. Маргарита переборщила с количеством и яиц и начинки, поэтому перегнутый пополам омлет у нее так и не закрылся, обнажая часть начинки и создавая нечто похожее на странную улыбку. Пытаясь как-то спасти положение, рыжая решила дополнить получающийся образ, дорисовав кетчупом глаза, нос и зубы и получив, в итоге жутковатую рожицу, которой, наверное стоило пугать детей, а не кормить своего мужчину. Но от желания все это сразу выбросить Рита все же удержалась, надеясь, что на вкус омурайсу получился все же лучше, чем на внешний вид.

Пока она экспериментировала с продуктами, подошло время, в которое обычно возвращался Сэтоши, и Маргарита набрала его номер, чтобы узнать, скоро ли он вернется домой. Но ответа не последовало, как и в течении следующих часов, когда она отчаянно пыталась ему дозвониться, напридумав себе всяких ужасов и уже было собравшись отправляться на его поиски. Если бы еще Моррис, которому рыжая тоже позвонила несколько раз соизволил ответить, все было бы проще, но и тот был, вероятно, чем-то занят, поэтому она попала в ненавистную ей ситуацию полной информационной изоляции.

В один прекрасный момент Маргарита не выдержала и пошла в спальню, чтобы

взять кое-какие вещи и отправиться на поиски, но тут услышала звук открывающейся двери, на несколько секунд остановилась, чтобы облегченно выдохнуть, и отправилась встречать припозднившегося Сэтоши.

- Привет. Что случилось? - озабоченно спросила она, выходя в прихожую, поскольку внешний вид молодого человека вызывал не самые хорошие подозрения. Последний раз таким потерянным она видела его, когда нашла на лавочке в день их встречи, и вот сейчас они словно опять перенеслись в недалекое прошлое до того момента, когда Сэтоши стал неотъемлемой частью ее жизни.

Сэтоши Мотидзуки

Она вышла его встречать и выглядела взволнованной. Она волновалась за него, и где-то в груди защемило. Он не хотел, чтобы она волновалась, он вообще не хотел, чтобы случилось что-то неправильное. Наверное, он поступил как последний эгоист, как избалованный ребёнок, которому что-то не дали. Он огорчил девушку, которая его любит, которая подарила ему что-то новое, неизведанное ранее.

Он протянул ей небольшой букет розовых роз и опустил голову. Только сейчас ощутил дрожь, стало очень холодно, губы посинели от холода.

- Я... Рита, я... чуть не убил человека. Я... забыл отложить нож и держа его в руке направился за помидорами. А меня толкнули, и я... порезал Сато-сана. Порезал ему руку. Я... - он не договорил и сполз по стене на пол. Обхватил согнутые в коленях ноги руками. Его сотрясала сильная дрожь, где-то отголосками сознания он чувствовал, что ведёт себя не так, как полагается сильному взрослому человеку, но он сомневался, что его вообще можно считать сильным. Он был трусом и слабаком. Потому что он боится вида крови. И всей этой ситуации боится. Потому что если бы он не впал в ступор, Митсуо помогли бы быстрее, и крови он потерял меньше. Но нет, он впал в ступор. Как он теперь посмотрит в глаза ему, другим коллегам, сеньору Фернандезу? Ему же больше никогда не разрешат работать на кухне. Он глубоко вздохнул и закрыл глаза.

Маргарита Эрнандес

Маргарита немного удивилась протянутому ей букету, который сразу в общей обстановке и не заметила, но ничего про него спросить так и не успела, поскольку Сэтоши начал говорить, заставляя ее снова переживать, на этот раз за его эмоциональное состояние. Молодой человек снова столкнулся с трудностями на работе, и это выбило его из колеи, так что ее задачей сейчас было немного его успокоить и объяснить, что ничего смертельного не произошло, и самое главное заключалось в том, что все закончилось относительно благополучно.

- Ну что ты, - прошептала она, присаживаясь рядом на корточки и нежно проводя свободной от букета рукой по его спине. - Все не так страшно. Порезав человеку руку его не убить. Человека вообще убить не так просто, как кажется...

Маргарита замолчала и нахмурилась. Ей уже доводилось калечить людей при помощи магии Воздуха, а может, не только калечить... Но о втором она предпочитала не думать, старательно стирая из своей памяти вещи, которые полностью противоречили ее взглядам на жизнь. Она не любила пользоваться

магией кому-нибудь во вред, хотя и временами грозилась это сделать, но за жизнь своих товарищей или близких готова была сражаться до последней капли крови. Как своей, так и врагов, пусть они тоже были людьми и у них имелись свои причины делать то, что они делали.

Сэтоши Мотидзуки

На смену какой-то апатии пришла непонятная ярость, заставившая его невольно сжать руки в кулаки и встать. Он совершенно не понимал, что с ним происходит, но, вероятно, был затронут какой-то спусковой крючок, который щёлкнул, заставляя его совершать какие-то странные и нехарактерные для него поступки. Возможно, он когда-нибудь пожалеет о них, возможно это ему что-то даст, но он не мог понять, что это такое.

- Ты не понимаешь! - Холодным тоном прошипел он и сам этого испугался. - Ты не понимаешь! Я не умею ничего! Я второй раз причинил человеку боль. Сначала я послал клиентке не те цветы и вызвал аллергию, сейчас я забыл о правилах техники безопасности. Я боюсь делать что-то, любое моё действие приносит людям вред! Да хоть взять те подгоревшие гренки! Я всегда сидел на месте заместителя финансового директора в компании деда, но я так и не научился считать. Я не умею ничего! Зачем я тебе такой нужен? - Кажется, это было лишнее, но этого уже не вернёшь. - Я не умею даже складывать цифры! Мне отец постоянно говорил, что я тупой как пробка, что Джун во всём лучше меня...

Он замолчал и посмотрел на сжатые в кулаки руки. Потом перекинул взгляд на стену и впечатал в неё правую руку. Зажмурился от сильной боли. Но ярость не прошла. Она только усилилась. И заставляла говорить. Много, бессвязно. Но говорить, чтобы не сойти с ума от одиночества.

- Я его всегда сильно любил, я знаю, что он меня тоже любил. Если я не достигну ничего и вернусь ни с чем, то он снова будет обо мне нелестно отзываться. Я устал от этого. Все двадцать два грёбанных года я слышу, что Джун во всём лучше меня! Он... ни разу мне не сказал ничего хорошего, если у меня что-то получалось. Он всегда мне говорил, что это было ошибкой... её ошибкой... моё имя означает "мудрый, сообразительный". Но я... так ничего и не достиг. Я не смог вовремя положить нож. Потому что я забыл о технике безопасности! Меня могут уволить с работы по статье, и что... что мне потом делать...

Он, неожиданно для себя и, вероятно для девушки, стал колотить стену. Вскоре на стене стали оставаться капли крови, а костяшки были разодраны, так сказать, в мясо. Внезапно боль дошла до его сознания, и он сильно вздрогнул и часто задышал. на лбу появился пот. Он остановился и опустил голову. Стал рассматривать раненые руки, на которых была его кровь. От вида собственной крови ему плохо не было...

Маргарита Эрнандес

Маргарита так и не поняла, что из ее слов зацепило молодого человека, но то, какую бурную они вызвали у него реакцию, заставило рыжую сначала испугаться, а потом почувствовать постепенно зарождающуюся злость, столь не характерную для нее, когда речь заходила о Сэтоши.

- Что я понимаю? - она не стала его останавливать, лишь вздрогнув, когда его кулак первый раз ударил в стену, и отложив букет в сторону, чтобы не мешал. - Ты у кого-то спровоцировал аллергию и порезал коллегу ножиком, а мне приходилось калечить, а то и хуже, людей, угрожающих моей жизни и жизни моих друзей. Ты причиняешь людям вред? Да что ты об этом знаешь. Из-за моей глупой детской выходки погиб мой собственный брат!

На мгновение у Маргариты сорвался голос, поскольку она затронула тему, которую обещала не поднимать ни при каком раскладе и, разозлившись на слова Сэтоши о собственной никчемности, так и не сдержала своего обещания.

- Да, у меня тоже был брат. Яркий, талантливый. Предводитель всех местных мальчишек. И для меня он был всем. Моим другом и моей опорой. Я всегда смотрела только на него и тянулась за ним, хоть и пыталась показывать свою самостоятельность... А потом на моих глазах он превратился в отбивную, попав под машину. И все, что мне осталось - воспоминания о жутком визге тормозов и своих руках, перемазанных в его крови, а еще старая флейта, которую я тебе прислала. И я как-то живу с пониманием того, что не подбей его в тот день сбежать из детского дома за мороженым, то сейчас он был бы жив, уже чертову тьму лет! И не жалею... Ненавижу это дурацкое мороженое! И себя ненавижу...

Маргарита замолчала и закрыла лицо руками. Слез не было, но смотреть на Сэтоши после всех этих признаний стало тяжело. Она практически никому не рассказывала про Артема и уж точно не делала это в подобной форме, поэтому сейчас ее начало немного "потряхивать", как это бывает после сильного эмоционального всплеска, чуть было не перешедшего в истерику, чего уж ей точно было не свойственно.

Сэтоши Мотидзуки

Наверное, человеческое сознание совершенно не изучено, раз в случае какого-то эмоционального всплеска человек начинает совершать нехарактерные для себя поступки и вспоминать что-то очень плохое. Сэтоши никогда не жаловался на свою жизнь. Он был сыт, одет, у него было прекрасное воспитание, у него был замечательный брат. У него были родители. У него всю жизнь было то, о чём многие и не могли мечтать. Но где-то что-то заложились не так как надо, и все хорошие воспоминания уничтожались под натиском негативных эмоций, слов, чувств. Негатива тоже было много, и последнее время, уже несколько месяцев, он погряз в своих воспоминаниях. Он запутался, ему было больно и страшно. И не было света. Он будто шёл по тонкому льду, вокруг была пустота, холодный промозглый ветер гнал его, а куртка не могла защитить от него.

Но потом в его жизни появилось рыжее солнце. Человек, который освещал ему путь, показывал более прочные круги льда и согревал. Человек, который смог подарить ему уют и немного счастья. И он, вместо того, чтобы защищать эту отважную рыжеволосую девушку, хрупкое создание, старающееся казаться сильным, чтобы не сойти с ума от призраков, уничтожил всю любовь и заботу, выпустив этих самых призраков.

Пока она говорила, он просто молча стоял, но с каждым её словом его сердце

сильнее сжималось от боли, а душа разрывалась на части. Он понимал, что только что всё испортил. Она вспомнила то, что хотела забыть, о чём мечтала никогда больше не вспоминать. Он не знал, что нужно делать и нужно ли что-то делать.

- Я... - тихо прошептал он и, подойдя к ней, опустился на колени. Её сильно колотило, она закрывала лицо ладонями, и он снял свою влажную куртку и накинул на её плечи. Потом подумал немного и обнял её, крепко прижимая её к своей груди. Он понимал, что не сможет подарить ей хоть небольшой островок спокойствия и надёжности, но надеялся, что его объятия ей хоть как-то помогут. Он до крови закусил губу, чтобы не завывать от боли и осознания того, что снова всё испортил. Он не имел никакого права срываться. Не должен был срываться тогда, не имел права срываться сейчас. Из-за него страдают люди, которых он любит. Он сам причиняет им боль.

- Прости, я... пожалуйста, не молчи... бей меня, кричи на меня... только, пожалуйста, не молчи... я... люблю тебя... - проговорил его язык, но мозг не успел его остановить. Он сильнее прижал её к себе и рукой провёл по её волосам...

Маргарита Эрнандес

Какое-то время она просто сидела в одном положении, пытаюсь собраться и вернуться к своему привычному образу сильной женщины, не раскисающей на ровном месте. Но получалось из рук вон плохо, поэтому Маргарита оставалась на корточках с закрытым руками лицом до тех пор, пока не услышала голос Сэтоши и не почувствовала тяжесть куртки на своих плечах, быстро сменившейся теплом ставшего родным мужского тела.

Сэтоши просил ее кричать, бить его или говорить и делать хоть что-то, но Рита не чувствовала в себе сил произнести ни слова. В горле словно что-то застряло, мешая попросить его не волноваться, объяснить, что все хорошо, и он ни в чем не виноват, поскольку в жизни каждого человека наступают моменты, когда ему просто нужно было побыть слабым и позволить копившееся долгое время чувствам выплеснуться наружу. Поэтому она продолжала молчать, несмотря на адресованную ей просьбу.

А потом ее ухо прорезало признание, которого она не то, чтобы совсем не ожидала, но которое, в совокупности с объятиями и нежностью руки Сэтоши, проводящей по ее волосам, сорвало какой-то тормоз и заставило столь редким для нее слезам политься из глаз, превращая и без того мокрую рубашку молодого человека во что-то совершенно не подходящее для ношения в приличном и даже неприличном обществе. Но остановиться она уже не могла, время от времени всхлипывая как-то совсем по-девчьи и все сильнее прижимаясь к Сэтоши, словно снова превратилась в девчонку-подростка, нуждающуюся в чужой заботе и поддержке.

Сэтоши Мотидзуки

Девушка никак не реагировала на его слова, но это было и не нужно. Ему было достаточно того, что она стала плакать. Не биться в истерике, а плакать. Где-то он слышал, что девочкам так проще преодолеть нервное напряжение. У Риты было очень сильное напряжение, вызванное его не очень хорошим поведением. Он не имел права срываться. Но это уже произошло, и он сейчас должен сделать все возможное, чтобы никогда больше ни одна слезинка не скатилась по его щеке.

Разве только от счастья.

Он просто сидел, слушая ее всхлипы и успокаивающе проводя по ее спине. В памяти всплыли воспоминания, когда его, совсем маленького, пятилетнего мальчика, успокаивала Мизуки, но он тщетно пытался их гнать от себя, останавливаясь только на одной фразе, которая слишком назойливо крутилась в его сознании. *Ты сильный*, тогда говорила мама, поглаживая его по голове и спине. Он должен стать сильным, чтобы эта хрупкая и нежная девушка никогда не страдала. Пока у него есть возможность подарить ей крепкое плечо он просто не имел права сдаваться.

- Поплачь, тебе станет легче, - сказал он те слова матери, а потом, сам того не ожидая, тихим и нежным голосом стал петь песню. Ту песню из караоке, которую слышал отец. Видно, эту песню ему пела биологическая мать, но наверняка сказать нельзя...

Маргарита Эрнандес

Маргарита уже очень давно не плакала так сильно и так долго, как сейчас. По сути, после смерти Артема она позволила себе подобную слабость лишь однажды, когда на ее глазах чуть было не попал под машину Арно, но, в отличие от того случая, сейчас не было ничего настолько страшного, чтобы вызвать тяжелые воспоминания. Вероятно, просто подошло время, когда копившиеся долгие годы переживания, наконец, захотели вырваться наружу и нашли себе для этого первую подходящую лазейку.

Постепенно ее плач, поддаваясь воздействию нежных прикосновений и приятного успокаивающего голоса, начал утихать, переходя в редкие всхлипы, а потом и вовсе прекратился, примерно в то же время, как Сэтоши перестал петь. Но сказать что-нибудь связанное Маргарита смогла не сразу, просто прижимаясь к нему, не обращая внимание на образовавшееся на ее футболке из-за соприкосновения с мокрой рубашкой пятно.

- Мне очень нравится твой голос. - Рита все-таки нашла в себе силы, чтобы от рыданий перейти к нормальному разговору. - А вот я пою так, что закладывает уши. Зато танцую неплохо, так что если захочешь, могу как-нибудь станцевать для тебя.

Она, немного поерзав в объятиях Сэтоши, отстранилась, чтобы заглянуть ему в глаза, надеясь, что выглядит не очень жалко со своих красным носом и размазавшейся из-за слез тушью. Наверное ее переход на какие-то бытовые моменты мог показаться странным, но говоря незначительные вещи, Маргарита чувствовала, как ей становится легче и спокойнее, словно она скинула с плеч тяжелый груз и теперь могла облегченно вздохнуть и подумать о всякой ерунде, как любой нормальный человек, коим она могла назвать с большой натяжкой.

Сэтоши Мотидзуки

Всхлипы стали реже и тише и прекратились как раз в то время, когда он перестал петь. Он не хотел петь эту песню, она у него ассоциировалась с той женщиной, которая бросила любимых людей ради театра. Маргарите эта песня понравилась, и он слабо улыбнулся. Уголками губ. Очень слабо и почти незаметно. Да и некому

было замечать.

Некоторое время в прихожей царило молчание, а потом Маргарита завозилась в его объятиях и отстранилась. Он посмотрел на нее. Взял ее лицо в ладони и внимательно посмотрел в ее глаза, не обращая внимания на потекшую тушь и на покраснения. Потом поцеловал в губы; вкус поцелуя из-за слез показался ему соленым, но от этого не отталкивающий, а наоборот какой-то особенный.

- Я буду рад посмотреть на твой танец, - улыбнулся он, отрываясь от поцелуя. - Спасибо тебе, любимая... спасибо тебе за доверие. Я... и прости меня, это было очень глупо...

Он снова поцеловал девушку, а потом вспомнил, что очень долго не ел, промок под дождем и вообще все не очень хорошо.

- Рита, я... есть хочу. Ты меня покормишь? - это прозвучало как-то по-детски, и он, чтобы скрыть смущение, не нашел ничего лучше, как начать ее целовать.

Маргарита Эрнандес

Как следует выплакавшись, Маргарита почувствовала себя чуть ли не другим человеком, но поделиться с Сэтоши своим открытием она так и не успела, поскольку тот начал ее целовать. Пожалуй, поцелуи с привкусом ее собственных слез случились в ее жизни впервые, но от этого они приобретали какую-то особую прелесть и поражали своей чувственностью и искренностью.

- Ну что же, тогда обязательно для тебя станцую. Правда, боюсь, это будет мало похоже на классический японский женский танец... И не обещаю, что потом не начну к тебе приставать. - Маргарита улыбнулась и потерлась щекой о его щеку. - Конечно, я доверяю тебе. А кому же мне еще доверять?

У Риты всегда хватало приятелей, с которым можно было весело провести время, но, при этом, она никогда не чувствовала готовность поделиться с кем-то самыми сокровенными вещами. А с Сэтоши это получалось как-то легко и естественно, что удивляло и радовало одновременно.

- Покормить? - Маргарита встрепенулась, услышав ключевое слово. - Я тут пыталась освоить японскую кухню, но получилось плохо. Да еще и остыло все...

Маргарита повесила сползшую мокрую куртку Сэтоши на крючок, скептически посмотрела на свою футболку, а затем на мокрую одежду молодого человека, вынося свой вердикт.

- Снимай все лишнее и иди к столу.

Она не была уверена, что ее "кулинарный шедевр" не испугает Сэтоши, но альтернатив особенно и не было.

- Вот, жуткий омурайсу в моем исполнении, - Маргарита выложила жуткую рожицу на тарелку и снова посмотрела на мокрое пятно на футболке, решая, что с ней стоит

делать: снимать или временно оставить все, как есть, сконцентрировавшись на более важных вещах.

Сэтоши Мотидзуки

- Я сильно сомневаюсь, что до встречи со мной... или с моим дядей... ты умела танцевать классический японский танец, так что танцуй все, сто умеешь, мне все интересно. А что ты умеешь танцевать? Какой-то национальный танец своей страны? Как у вас называется, в Испании? - заговорил Сэтоши, смущаясь от того, что мозг не поспевал за его языком, и его речь походила на речь восторженного ребенка, который интересуется чем-то интересным и необычным. Наверное, это было глупо...

Он улыбнулся, когда Рита потерлась о его щеку, а потом вздохнул, когда девушка встала и ушла. Стало почему-то очень холодно, и он, решив больше так не сидеть, поднялся с пола и направился в спальню, чтобы переодеться. Скомкал мокрую одежду и отнес ее в ванную. Помыл руки и умылся, а потом пришел в гостиную.

Рисунок на омлете показался ему каким-то демоном, и он принял это за знак, что нужно расправиться с ним, и жизнь наладится. По вкусу он отличался от того, что готовила мама, но было съедобно.

- Вкусно. Нет, серьезно. Очень вкусно. Но... ты не переживай, с первого раза ни у кого ничего не получалось. Спасибо тебе.

Он посмотрел на нее и увидел мокрое пятно на ее футболке.

- Может быть, ты тоже переоденешься? Я понимаю, что ты не можешь заболеть, но... или тебе помочь? - он усмехнулся.

Маргарита Эрнандес

- Я и сейчас не умею, - усмехнулась Маргарита. - Боюсь, темперамент не тот. Специально я училась танцевать фламенко, а так... Танцевала что и когда хотелось. И, что-то мне подсказывает, в этом вся я. Всегда делаю, что хочу...

Маргарита много лет жила одна и привыкла определяться со своими желаниями и возможностями, не согласовывая подобные моменты с окружающими. Но после неожиданного появления в ее жизни одного молодого человека, совершенно непохожего на темпераментных испанцев, с которыми ей приходилось иметь дело, магов из монастыря или ее коллег китайцев, все кардинально изменилось, обращая ее внимание на те вещи, которые она раньше предпочитала не замечать.

Переодевшись, Сэтоши сообщил, что ее омурайсу вполне съедобен, хоть у Маргариты и были некоторые сомнения по поводу его внешнего вида, способные повлиять и на вкусовые качества.

- Мне кажется, этот омурайсу похож на меня. Хочет казаться чем-то милым, а в итоге получается какое-то чудовище, пусть и с приятной на вкус начинкой.

Маргарита вздохнула и только сейчас обратила внимание на лежащий в коридоре

букет, подняв его и поставив в найденную в одном из шкафчиков вазу.

- Спасибо, очень красивый букет. Он тоже что-то значит? - Рита привыкла, что Сэтоши очень трепетно относится к цветам и много думает об их значении согласно японскому языку цветов.

- Конечно, помочь, - хитро улыбнулась Маргарита на предложение о помощи. - Я же хрупкая девушка, не привыкшая к столь тяжелой работе.

Наверное, последние несколько лет не были столь же насыщенными в плане физической близости с мужчинами, как последние недели, за что Маргарита особенно была благодарна Сэтоши, впервые за долгое время чувствуя себя нормальной желанной женщиной, а не просто предметом для чужого сексуального интереса.

Сэтоши Мотидзуки

На слова девушки о том, что она не умеет тнцевать достаточно хорошо, чтобы это было правильно по всем канонам, он лишь пожал плечами и продолжил есть омлет. Ему действительно было вкусно, но он не знал, связано это было с тем, что приготовленное блюдо, выглядящее устрашающе, было действительно вкусно, или же он был просто сильно голоден и ему было без разницы, что есть. Но всё же он надеялся на первый вариант.

А вот когда девушка сравнила этот рисунок на омлете с собой, он вздрогнул от её слов и заставил себя быстрее расправиться с едой, чтобы она не отвлекала их и не давала поводов усомниться в себе. Пока он доедал, девушка сходила в прихожую и вернулась оттуда с букетом цветов, и он просто кивнул.

- Ну, у розовой розы много значений, но в нашем случае пусть это будет вера, доверие, смелость. Я... спасибо тебе за всё, я... - Он облизнулся, вытер рот салфеткой и встал с места. Поставил тарелку с приборами в мойку.

Он подошёл к девушке сзади и обнял её, положив руки на её руки, держащие букет, а подбородок на правое плечо. Поцеловал в щёку. Посмотрел на свои костяшки пальцев, на которых была содрана кожа и остались частички несмытой крови, уже засохшей. Глубоко вздохнул и резко развернул её к себе лицом. Внимательно посмотрел в её глаза.

- Ты не чудовище, Рита, - строго сказал он. - Не смей так думать. Я... не хочу слышать из твоих уст эти слова. И да, для меня наличие твоей магии ничего не значит. Ты... очень нежная и добрая девушка, хрупкая и замечательная. И я... - он закусил губу. - Я постараюсь сделать всё, что в моих силах, чтобы ты не страдала больше. Ведь я люблю тебя...

Он снова её крепко обнял и поцеловал, чтобы скрыть смущение. Вот только бешено колотящееся сердце и выступивший на лбу пот сказали всё за него. Но это было неважно. Он оторвался от поцелуя и стянул с неё футболку...

Похоже, ее аналогии, связанные с омурайсу возымели свое действие, поскольку с ужином Сэтоши разобрался с такой скоростью, словно за ним гналась стая бешеных собак, что обычно было ему не свойственно. Или она приготовила такую гадость, что с ней хотелось разобраться, как можно быстрее, чтобы потом не мучиться. Маргарита не стала выяснять причину, довольствуясь осознанием того факта, что ее мужчина справился с приготовленной ей едой, не говоря ни одного слова осуждения.

- Доверие... - Мне нравится. - Рита улыбнулась каким-то своим мыслям и внимательно посмотрела на Сэтоши, который сначала обнял ее сзади, а потом развернул к себе лицом и заглянул в глаза. - Я знаю, что я не чудовище, а просто глупая запутавшаяся девушка. И... Не надо меня благодарить. Скорее, это я должна сказать спасибо, ведь я.. .

Дальше она так ничего и не смогла сказать, словно за ее ответное признание в чувствах, ей грозила какая-то страшная кара. Но, благодаря Сэтоши, она, даже несмотря на свою неспособность показать себя нормальной влюбленной женщиной, почувствовала себя совершенно счастливой, с жаром отвечая на поцелуй и растворяясь в каждом ощущении, даримым ей близостью с дорогим для нее человеком, которого ей, наконец, решилась послать судьба после длительного периода одиночества.

Маргарита и не заметила, как ее футболка отлетела в сторону, в определенный момент почувствовав, что ей стало намного легче, свободнее и теплее. Сейчас всевозможные мелочи не имели для рыжей значения, ведь Сэтоши уже второй раз признался, что любит ее, и после такого она просто не могла жаловаться на свою жизнь, наслаждаясь каждой проведенной с ним минутой.

Сэтоши Мотидзуки

- Значит, будем распутывать и твой клубок, - оторвавшись от поцелуя сказал молодой человек и посмотрел на свои руки. Воспоминания о срыве не давали ему покоя, и тем сильнее он хотел стать тем самым человеком, на которого могла положиться эта хрупкая девушка с трагической судьбой. Он вспомнил её слова о детском доме, брате, погибшем из-за неё, о мороженом, и ему стало больно. Он заставил её вспоминать этот ужас и теперь он просто обязан её защищать. Пока она здесь и пока её контракт не расторгнут. А время к её отъезду обратно в Китай неумолимо приближается, и ничто не может его остановить или хотя бы замедлить.

Девушка не договорившая свою мысль, но его сердце сильнее затрепетало от мысли, что она тоже его любит, просто он со своими эгоистичными желаниями её целовать, обнимать и любить не даёт ей сказать ни слова. Он даже не хотел думать, что это не так.

С него слетела его футболка, и он, стараясь не отрываться от поцелуя, поддерживая девушку за талию, осторожно направился в сторону спальни, где они около кровати оставили оставшиеся вещи и приняли горизонтальное положение, занимаясь самым приятным для всех нормальных людей занятием. Сэтоши был счастлив, сильно счастлив, и он понимал, что должен стать сильным. Чтобы Маргарита никогда не разочаровалась в нём. Он должен научиться смотреть

страхам и проблемам в глаза.
